

УДК 14

**ПОНЯТИЕ ИДЕАЛЬНОГО КОММУНИКАТИВНОГО СООБЩЕСТВА
В ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНО-ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ К.-О. АПЕЛЯ****А.Г. МОВСЕЯН***(Белорусский государственный университет, Минск)*

Осуществляется реконструкция теоретикопознавательной концепции К.-О. Апеля и ее отношения к классическим и постклассическим моделям познания. Дается оценка предпринятой Апелем попытки синтеза стратегий, предложенных философской герменевтикой и аналитической философией. При этом в качестве центрального выделяется понятие идеального коммуникативного сообщества, разработка которого приводит к формированию семантико-синтаксического взгляда на язык и создается концепция познания. Стратегия трансцендентальной прагматики призвана выявить условие возможности понимания. В традиционной семиотике эти условия считаются ситуативными и поэтому случайными. К.-О. Апель полагает возможным обрести эти условия в самом языке. Для того чтобы пользоваться ими, необходимо кроме грамматической компетенции (Н. Хомский) коммуникативная компетенция.

Введение

В XX веке в философии произошли существенные изменения в классическом понимании проблематики и метода философии. Были подвергнуты пересмотру такие фундаментальные философские понятия, как субъект, реальность, история, язык. Историко-социальные катаклизмы в первой половине XX века сформировали недоверие ко всякой попытке всеобъемлющей теории, опирающейся на абсолютное знание. Поэтому пафос многих исследовательских стратегий состоял в разоблачении классической философии как метафизической, аисторической и оторванной от социально-культурных реалий действительности. В этом контексте голоса философов, призывающих к сохранению идеи рациональности и социальной ответственности, выпадают из хора голосов, ориентированных на тотальную деструкцию классической традиции.

Цель работы – теоретическая реконструкция модели познавательного процесса, представленной немецким философом К.-О. Апелем. Значимость его позиции в современном философском дискурсе определяется его ориентацией на синтез традиционно противопоставляемых философских стратегий: философской герменевтики и аналитической философии, классического кантовского трансцендентализма и лингвистической философии в ее различных видах – от Л. Витгенштейна до теории речевых актов Дж. Остина и Дж. Сёрля.

Основная часть

Центральными понятиями, позволяющими К.-О. Апелю осуществить философский синтез, являются понятия идеального коммуникативного сообщества как нормативного фактора реальной коммуникации. Коммуникация является языковым феноменом, трансцендирующим семантическую детерминацию мировосприятия за счет присущей языку рефлексии. Рефлексивность языка эксплицируется за счет учета прагматических характеристик языка. Тем самым К.-О. Апель формирует трансцендентально-герменевтическое понятие языка.

По мнению К.-О. Апеля, лингвистический поворот, заявленный аналитической философией, не эксплицировал в полной мере потенциал языка, просто осуществив замену трансцендентального «сознания вообще» на абстрактные структуры искусственных языков. Необходимо поэтому дополнить семантико-синтаксическое понимание языка в аналитической философии анализом прагматического аспекта его употребления.

Апелевская критика семантико-синтаксического лингвистического анализа осуществляется через анализ представления о возможности единого логического языка, непротиворечивые построения которого позволяют выносить истинностные суждения о положении дел в мире. Корни идеи единого непротиворечивого языка науки происходят от Г.В. Лейбница. В связи с постоянной невозможностью философов договориться между собой об основоположениях своих теорий необходимо создать единый язык, который исключал бы возможность неправильного понимания, став гарантом подлинного взаимопонимания. К.-О. Апель остроумно замечает, что осуществить такое намерение будет возможно только в том случае, если само взаимопонимание станет излишним. То есть если из этого языка и из правил разговора на нем будет исключена герменевтическая проблематика взаимного понимания «субъективных смыслов интенций» посредством учреждения такой «семантической системы, которая априори будет допускать в каче-

стве возможного предмета интенций лишь интересубъективный смысл (а именно: «положение дел как содержание «пропозиций»») [1, с. 210].

Предельно четкой кристаллизацией такого солипсистского подхода являются рассуждения Витгенштейна в *Логико-философском трактате* о субъекте как глазе, который можно исключить из разговора о том, что он видит. «Ничто в *поле зрения* не позволяет делать вывод, что оно видится глазом» [2, с. 633]. И далее: «Строго проведенный солипсизм совпадает с чистым реализмом. «Я» солипсизма сжимается до непротяженной точки, остается же соотносенная с ним реальность» [2, с. 64]. Тем самым предполагается некоторое уединенное от мира «Я», идентичное у всех субъектов науки, говорящее одним и тем же непроводимым языком об одном и том же положении дел. И именно благодаря своей всеобщей идентичности оно может быть исключено из рассмотрения как излишняя сущность.

Реализация замысла *Трактата* в программе избавления языка науки от лишних, бессмысленных метафизических сущностей привела к ряду проблем.

Во-первых, построение языка науки осуществляется посредством обыденного языка, или точнее, некоторого конкретного языка наблюдения, уже соответствующего, исходящего из некоторого фактического строя.

Во-вторых, оказалось невозможным чистое описание данных наблюдения как фактов, независимых от теории.

Чтобы снять эти противоречия в аналитической философии вводится принцип конвенционализма. В конвенции предполагается некоторая договоренность о том, какой язык избирается в данной ситуации в качестве языка науки (т.е. выбирается «*semantical framework*» Р. Карнапа). Кроме того, конвенции необходимы как договоренности о том, чтобы считать некоторые предложения наблюдения как «базисные предложения» для подтверждения или фальсификации теории.

Вся рациональность находится «внутри» языка, правила функционирования которого скреплены конвенцией. Но сам выбор конвенции – вне теории, он иррационален. Рудольф Карнап в своей знаменитой статье «Эмпиризм, семантика и онтология» пишет: «Те, кто поднимает вопрос о реальности самого мира вещей [а это значит и о статусе языка, на котором ведется разговор о системе вещей в целом – А.М.], может быть, имеют в виду вопрос не теоретический, как это кажется благодаря их формулировке, а скорее практический – вопрос практического решения относительно структуры нашего языка. Мы должны сделать выбор – принять или не принять, употреблять или не употреблять эти формы выражения в рассматриваемом каркасе» [3]. И вот эта иррациональность, слепой, непрозрачный для анализа «децизионизм» избличаются К.-О. Апелем как вариации на тему методического солипсизма. В отношении конвенции правомочен все тот же вопрос, для ответа на который конвенции вводились: «откуда конвенциям взять собственные *смысл и значимость?*» [1, с. 218].

К.-О. Апель резюмирует: «как философия, интроспективно отправляющаяся от содержания сознания и на основании этого выдвигающая вопрос о существовании некоего реального внешнего мира, а при случае – и «других Я», так и, с другой стороны, философия, где язык мыслится как свободное от рефлексии отображение реальности, с необходимостью увязают в *методическом солипсизме*. Лишь та философия, которая представляет себе сознание не как *reserptaculum* (вместилище – лат.), а как опосредованное языком подразумевание реального *в качестве* чего-то, а, с другой стороны, рассматривает познавательную функцию языка не как отображение, а как герменевтический синтез предикации, может интегрировать в себя априори *интерсубъективного взаимопонимания*» [1, с. 208].

К.-О. Апель полагает, что понятие иллокутивной силы языка, введенное Дж.Остином, позволяет рассмотреть язык как речь, и при этом задать рамки для рационального подхода к коммуникации, к выбору «языковых каркасов». Иллокутивные характеристики высказываний отсылают нас к прагматике знака и в целом к трансцендентально-герменевтическому понятию языка.

Итак, в языке чему-то присваиваются имена. В лингвистике отношение имени и предмета им обозначаемого рассматривается в разделе семантики. Семантика проблематизировала (например, в лице Л. Витгенштейна, Р. Карнапа) корректность постановки вопроса об онтологическом статусе предметов вне языка, поскольку предметность предмета производна для познающего субъекта от языка, на котором ставится вопрос о предметности. Предельные вопросы философии необходимо решать посредством анализа словоупотребления, корректности использования определенных понятий в некотором данном языковом каркасе. С этой точки зрения «вещь в себе» И. Канта является опосредованной языком гипотезой, и она становится объектом по мере вхождения гипотезы в суждение через предикацию.

Семантика соотносится в анализе языка с синтаксисом, правилами отношений знаков друг с другом. Язык воспринимается как система знаков, значение которых зависит не столько от соотношенности с предметом, которую необходимо эксплицировать во внеязыковой интроспекции, но скорее от системных языковых эффектов. Семантико-синтаксическая система языка ориентированна на выявление языковых

универсалий, общих для всех конкретных языков. Предполагается, что такая система представляет собой язык науки, трансцендирующий в собственной объективистской установке субъективные особенности частных языков.

Семантико-синтаксический взгляд на язык воспроизводит на новом, лингвистическом витке философствования, рефлексивную структуру мышления. Под рефлексивностью здесь можно понимать способность разума соотносить знаки друг с другом и с вещами. Но вопросы достоверности соотнесения знака именно с этой вещью, а также intersubjectивной понятности именно такого сочетания знаков не решаются без учета субъектов, осуществляющих коммуникацию по данному поводу на данном языке.

Субъекты познания пред-полагают наличие и понятность вещи, о которой будет высказано суждение посредством соотнесения с нею знака-предиката в суждении. Это пред-положение раскрыто как априористический (трансцендентальный) перфект, герменевтический круг, а также с отсылкой к Ч. Пирсу как абдукция.

Невозможно редуцировать консенсус субъектов коммуникации относительно положения дел к языковой данности. Или другими словами, нельзя дедуцировать из «языкового единства» (ср. «единство апперцепции» И. Канта), вводить в языковой каркас то, относительно чего нет предварительного понимания у тех, кто на этом языке изъясняется (этот языковой каркас использует). (Кстати, ведь именно подобную нередуцируемость эмпирии к сознанию отстаивал И. Кант перед лицом вольфианской метафизики. И именно поэтому он говорит о двух стволах познания, о вещи самой по себе. И. Кант был умнее настолько, чтобы позволить себе «без-умное пред-положение» о существовании вещей вне ума. По сути, это предположение герменевтического характера, пред-рассудок в смысле Х.-Г. Гадамера).

Таким образом, консенсус относительно реальности мира вещей и пред-понимание относительно конкретной данной вещи есть несводимый к семантике языка процесс достижения консенсуса субъектами познания. В этом процессе достижения консенсуса, или конвенции, относительно «внеязыковой реальности» язык раскрывается в своем герменевтическом аспекте.

Консенсус относительно правил употребления знаков, их соотнесения между собой является другой неявной предпосылкой представления о языке как семантико-синтаксической системе. Выявление этих правил с необходимостью задействует иной язык, в котором также действуют подлежащие экспликации синтаксические правила. Л. Витгенштейн избегает дурной бесконечности в поиске предельного метаязыка посредством выдвижения тезиса о том, что метаязык не существует как объект возможного исследования, но *показывает* себя в употреблении каждого конкретного языка. Однако «знание» правил, которых «нет», но которые лишь показываются, опять таки представляет собой герменевтическое предвосхищение этих правил субъектами коммуникации, обладающими определенной коммуникативной компетенцией.

Следующий вопрос к синтаксической системе языка: если правила употребления дают о себе знать в некоторой данной языковой системе, то насколько возможно говорить об их всеобщей обязательности? Известный ответ на этот вопрос дает теория языковых игр Л. Витгенштейна. Невозможно свести различные языковые игры к единому знаменателю, выявить единую для всех языковую игру. Экспликация правил словоупотребления значима лишь в связи с настоящим исследуемым языком, и сама представляет собой языковую игру, требующую критического подхода в отношении себя. Вариацией на эту же тему будет ответ Р. Карнапа, утверждающего нетеоретический характер выбора квазионтологического языкового каркаса; сюда же относится децизионизм К. Поппера и прочие популярные в постпозитивизме, апеллирующие к естественному языку как предельному метаязыку, плюралистические теории.

К.-О. Апель противопоставляет этой тенденции понятие *трансцендентальной языковой игры неограниченного коммуникативного сообщества*.

К трансцендентальности языковой игры К.-О. Апель приходит через понятие *коммуникативной компетенции*. «В то время как очевидным образом бессмысленно рассчитывать на достижение синтеза различных подходов к пониманию языка в плоскости лингвистической (грамматической и, возможно, семантической) *компетенции* (говоря словами Н. Хомского), тем не менее, вполне осмысленно рассчитывать на языковое взаимопонимание между теми, кто принадлежит различным языковым сообществам, в плоскости *коммуникативной компетенции* (которая зависит не только от своей перформации в конкретном языке, но – как показывает всякий перевод – и от *прагматических универсалий*)» [4, с. 257].

Коммуникативная компетенция обретается в опыте научения языку, правилам употребления слов на этом языке. Это возможно благодаря внутренне присущей языку рефлексивности, основанной на *перформативно-пропозициональной «двойной структуре»* языка (Ю. Хабермас [5, с. 58]). В языке можно эксплицитировать пропозициональный (содержание предложения) и перформативный (использование этого содержания в некоторой ситуации) уровни.

Сообщая некоторое предложение, говорящий, в то же время притязает на то, что оно *истинно*, то есть соответствует разделяемому участниками коммуникации видению положения дел; *правильно*, то есть соответствует нравственным образцам межличностных отношений; *правдиво*, то есть является искренним выражением намерений говорящего.

Обретенная через рациональное использование языка коммуникативная компетенция, заключается в том, что говорящий каждый раз соотносит значение сообщаемого содержания с тем, как оно понимается им самим и слушателем в отношении предметной реальности, социальной нормативности, субъективной искренности. То есть имеется ли у участников коммуникации фоновое согласие по трем указанным направлениям? Рациональность субъектов коммуникации заключается в способности различать эти три аспекта речи, быть готовым воспринимать критику и аргументировано обосновывать свою позицию в этих направлениях. Достигнутое в результате такой коммуникации понимание некоторого предложения будет подлинным, основанным на внутренне присущей языку рациональности.

В статье «Лингвистическое значение и интенциональность» Апель пишет: «для *истинного заявления речи*, посредством которого предопределяются не только *непосредственное отношение соответствия* убеждения и его факта (как показано, такое притязание, разумеется, могло бы иметь место только в отношении к чисто *феноменологической очевидности соответствия*). Кроме того, посредством истинного заявления речевого акта устанавливаются также претензии *интерсубъективного подтверждения* в смысле *принципиальной способности к согласию* относительно имплицитно лингвистической *интерпретации* мира. Точно так же нельзя отделить истинное заявление речевого акта – в противоположность возможной истине абстрактных предложений, как полагал Больцано? – от соответствующей достоверности заявления с точки зрения выраженных условий сознания. Это означает следующее. Я, как субъект убеждения, не могу высказать истинное заявление без того, чтобы в то же самое время не высказать также имплицитно достоверное заявление» [6].

Приобретенная коммуникативная компетенция как способность через аргументацию репрезентировать истинное заявление в качестве достоверного высказывания в коммуникативном сообществе исследователей, предвосхищает в каждой фактической языковой игре то, что Апель называет «трансцендентальной языковой игрой». Как таковая она может рассматриваться лишь нормативно в качестве идеальной языковой игры идеального коммуникативного сообщества, то есть выступать регулятивным принципом, наподобие кантовского единства апперцепции.

Итак, коммуникативное сообщество. Под ним следует понимать совокупность субъектов, понимающих, что поскольку язык, на котором они ведут диалог о некотором положении дел, генерирует своей семантико-синтаксической структурой определенность этого положения дел и способ ведения разговора о нем, постольку необходима рефлексивная реконструкция прагматического измерения данного языка, способная предоставить каждому из субъектов коммуникации средство для аргументированной критики смысла семантико-синтаксических констатаций этого языка и указать на герменевтическое предпонимание реальности, которое дает возможность семантико-синтаксической системе быть осмысленной. Таковым средством является согласованная с другими участниками коммуникации тематизация перформативной составляющей употребляемого языка. Каждый субъект способен поставить под сомнение то или иное положение дел. Но поскольку само сомнение осуществляется в рамках некоторой языковой игры, разделяемой другими субъектами, постольку оно подтверждает имманентное языку коммуникации предположение сообщества познающих субъектов о существовании реальности. Кроме того, взаимопонимание относительно положения дел, а также правил построения языка, становится условием приближения к истинному восприятию события, заменяющим картезианскую очевидность замкнутого в себе сознания. Действительным, или истинным положением дел будет признаваться такое, против которого в предвосхищаемом неограниченном идеальном коммуникативном сообществе компетентных субъектов никто не выдвинет никакого рационального аргумента.

К.-О. Апель пишет: «Ведь кто аргументирует, тот всегда уже предполагает две вещи: во-первых, *реальное коммуникативное сообщество*, членом которого сделался он сам в процессе социализации, а, во-вторых, *идеальное коммуникативное сообщество*, которое принципиально должно быть в состоянии адекватно понимать смысл его аргументов и окончательно выносить суждения об их истинности. Но самая замечательная и диалектическая черта ситуации заключается в том, что он в известной мере предполагает идеальное сообщество в реальном, и притом как реальную возможность реального сообщества» [7, с. 329 – 330].

К.-О. Апель хочет указать на то, что, отношение реального и идеального сообщества есть отношение диалектического противоречия. Оно может быть разрешено только ходе исторической реализации идеального коммуникативного сообщества в реальном, что без сомнения задает нравственное напряжение в сам аргументативный процесс. Апель выводит «два основополагающих регулятивных принципа для

долгосрочной моральной стратегии поведения каждого человека. Во-первых, во всем его поведении речь должна идти о том, чтобы обеспечить *выживание* рода человеческого как *реального* коммуникативного сообщества, во-вторых, – о том, чтобы воплотить в реальном коммуникативном сообществе *идеальное*. Первая цель является необходимой для второй; а вторая цель придает первой смысл, – смысл, уже предвосхищаемый каждым аргументом» [7, с. 331].

Итак, коммуникативное сообщество является тем квазиинститутом, квазисубъектом, который формирует истинностные предложения, являющиеся, в силу наличия дифференцированной прагматической составляющей речи, одновременно достоверными, правильными и правдивыми высказываниями о мире. Его целостность имеет процедурный характер. Она актуализируется достижением согласия в ходе коммуникации. Согласие в коммуникативном сообществе функционально аналогично единству апперцепции у И. Канта. Но если у И. Канта само единство апперцепции возникало спонтанно, и, будучи предельным условием возможности объективного познания, не предполагало необходимости собственного обоснования, то «единство» коммуникативного сообщества есть результат рационального (а не спонтанного) согласия, предполагаемого в ходе дискуссии в каждом перформативно непротиворечивом высказывании как условие своей возможности.

Изначальная коммуникативная перспектива указывает на *«мышление как интериоризированное аргументирование»* [4, с. 259], в силу чего «нельзя избежать публичной проблематики значимости мышления, скрываясь в области приватного сознания» [4, с. 261].

С одной стороны, «публичная проблематика значимости мышления» преодолевает критико-познавательный номинализм через указание на то, что сомнение (от софистов до радикального сомнения Р. Декарта), разрывающее всякую «естественную», «мистическую» связь вещи и имени, «никогда не может угрожать семантико-прагматической согласованности всегда уже задействованной языковой игры» [4, с. 261]. Само противопоставление вещи и имени есть языковой фокус, возможный благодаря дублированию имени ($A = A$) и эксплицируемому в качестве прагматического допущению, что A в правой части равенства означает вещь, в то время как A в левой – лишь только имя. Тот, кто сомневается, уже предполагает общеизвестным (очевидным для обыденного сознания, естественного языка) тождество этой конкретной вещи (правое A) и имени (левое A). Это *«уже»* есть коммуникативно-языковая предпосылка его сомнения, которое, в свою очередь, движется и приводит к результату, то есть новой – истинной – связи вещи и имени, по правилам той же языковой игры, в которой была подвергнута сомнению первоначальная связь.

С другой стороны, «публичность мышления» подсказывает нам, что связь вещи и имени представляет собой не непосредственную очевидность лингвистического (гносеологического, онтологического) *apriori*, но что она, эта связь, коммуникативно опосредована. Очевидности значения имени соответствует «единство взаимопонимания относительно чего-то в коммуникативном сообществе» [4, с. 259]. Иными словами, перформативное тождество слова как предложения и высказывания (в смысле Дж. Серла). В уже цитировавшейся статье «Лингвистическое значение и интенциональность» К.-О. Апель пишет: «Наши значимые интенции зависят от лингвистических *конвенций* не только в отношении *фактической репрезентации лингвистическими пропозициями*, но также в отношении лингвистических конвенций, определяющих *иллокутивную силу речевых актов*, которая выражима в частных перформативных предложениях как условие интересубъективной обоснованности значения. Короче говоря, можно сделать вывод, что понятие *интерсубъективно обоснованного значения* можно было бы определить с точки зрения *перформативно-пропозициональной "двойной структуры"* лингвистически выражимого значения, как говорит Хабермас» [7]. Невозможно сослаться на безличный (то есть внешний, нейтральный к конкретным субъектам и потому «объективный») «эфир», как гарант истинной связи вещи и имени. В процессе означения осуществляется человеческая свобода. Она опосредована языком и коммуникацией, что не позволяет ей перейти в произвол. Критическая рефлексия, различающая и указывающая на взаимную дополнительность (герменевтический круг) чувственных данных и понятия (И. Кант), бытия и существования (М. Хайдеггер), смысла и значения (Г. Фреге), коммуникативного сообщества и индивидуального сознания (К.-О. Апель), задает пространство для реализации свободы. Конвенция относительно значения имени представляет собой нечто большее, чем *всего лишь* конвенцию. Ибо она достигается лишь в свете некоторого образа мира, заключенного в семантико-синтаксической целокупности обыденного языка и открывающегося в речи собеседника, другого. Именно собеседник верифицирует в каждом конкретном событии коммуникации истинность предложения-высказывания. А дифференциация перформативной составляющей высказывания (по Ю. Хабермасу), позволяет эксплицировать в каждом претендующем на понятность поступке, ориентацию на согласие не одного субъекта, а всех возможных компетентных субъектов безграничного коммуникативного сообщества.

Заключение

Таким образом, К.-О. Апель вводит понятие коммуникативного сообщества как структурное дополнение адекватного описания процесса познания. При этом возникает подозрение в некотором «панкоммуникативизме», то есть растворении *в*, или же дедукции *из* коммуникации (а это значит речи в ее прагматическом аспекте) двух других характеристик языка – семантики и синтаксиса. Думается, что это впечатление основано лишь на настойчивости, с которой К.-О. Апель отвоевывает пространство для гуманистической интерпретации языка. Но внимательное прочтение доступных текстов позволяет утверждать, что ни семантика, ни синтаксис не являются производными от прагматики знака, но необходимыми составляющими единого семиотического процесса, поскольку коммуникация осуществляется в языке, имеющим семантико-синтаксическую структуру.

Введение в анализ языка прагматики позволяет К.-О. Апелю дополнить хайдеггеровскую Dasein-аналитику. Если у М. Хайдеггера бытие является в «сверх»-рациональной открытости истины (алетейя), фундирующей рациональность, логику и прочие «методы» (ср. Х.-Г. Гадамер), то К.-О. Апель указывает на рефлексивную эксплицируемость понятия бытия как пред-посылки (одного из оснований) перформативно непротиворечивых высказываний. Если для М. Хайдеггера вопрос об истине есть вопрос о непотанности бытия, то для К.-О. Апеля он переформулируется в вопрос о раскрытии смысла как трансцендентально-герменевтическом условии истины. Не происходит ли тем самым возврата к онтической редукции онтологического вопроса? – Нет, в той мере, в которой проблематизация смысла высказываний будет осуществляться на языке, структурно аналогичном языку темпоральных синтезов. А трансцендентально-герменевтическое понимание языка как раз раскрывает присущую языку рефлексивность, круговое движение которой было описано еще И. Кантом как взаимораскрытие материи явления и априорных форм сознания в форме внутреннего чувства, то есть времени. У Апеля круг задается движением от предзаданной синтаксико-семантической системы естественного языка к критико-смысловому взаимопониманию коммуникативного сообщества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апель, К.-О. Коммуникативное сообщество как трансцендентальная предпосылка социальных наук / К.-О. Апель // Трансформация философии / К.-О. Апель. – М., 2001.
2. Витгенштейн, Л. Логико-философский трактат / Л. Витгенштейн // Философские работы / Л. Витгенштейн. – М., 1994. – Ч. I.
3. Карнап, Р. Эмпиризм, семантика и онтология / Р. Карнап [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.philosophy.ru/library/carnap/02.html>.
4. Апель, К.-О. Трансцендентально-герменевтическое понятие языка / К.-О. Апель // Трансформация философии / К.-О. Апель. – М., 2001.
5. Фурс, В.Н. Философия незавершенного модерна Юргена Хабермаса / В.Н. Фурс. – Минск, 2000.
6. Апель, К.-О. Лингвистическое значение и интенциональность: соотношение априорности языка и априорности сознания в свете трансцендентальной семиотики и лингвистической прагматики / К.-О. Апель [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ou.tsu.ru/hischool/surovcev/8>.
7. Апель, К.-О. Априори коммуникативного сообщества и основания этики / К.-О. Апель // Трансформация философии / К.-О. Апель. – М., 2001.

Поступила 09.10.2006